Корухова Людмила Владимировна

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ Т. МУРАТНЕ MINSTREL-BOY И ПЕРЕВОДА Д. П. ОЗНОБИШИНА "ЮНОША-ПЕВЕЦ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/5/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 180-182. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

5. **Heller K.** Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart // Untersuchungen im Bereich der deutschen Gebrauchssprache. Leipzig: VEB Biographisches Institut, 2005. S. 36-45.
6. **Kettemann B.** Anglizismen allgemein und konkret: Zahlen und Fakten // EUROSPEAK - der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende / hg. von B. Kettemann und R. Muhr. Wien, 2002. S. 55-84.
7. **Schippan T.** Lexokologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1992. 306 S.

УДК 882

Людмила Владимировна Корухова
Ульяновский государственный технический университет

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ Т. МУРА *THE MINSTREL-BOY* И ПЕРЕВОДА Д. П. ОЗНОБИШИНА «ЮНОША-ПЕВЕЦ»©

Актуальность выбранной темы обусловлена возросшим интересом к творчеству ирландского поэта Т. Мура (1779-1852), оставившего глубокий след в истории не только своей, но и русской литературы. Творческое наследие Т. Мура, с которым знакомят нас русские поэты-переводчики, и сегодня волнует и восхищает читателей глубиной раскрытия самых сокровенных тайн человеческого сердца, своей гармонией и музыкальным звучанием. В данной работе предлагается опыт исследования поэзии Т. Мура сквозь призму творчества Д. П. Ознобишина, талантливого отечественного поэта-переводчика, на примере текстологического анализа оригинального стихотворения Т. Мура *The Minstrel-Boy* и перевода «Юноша-певец», выполненного Д. П. Ознобишиным.

«В XIX веке не было ни одного крупного поэта, тем более второстепенного, не отдавшего дань его творчеству (творчеству Т. Мура - *Л. В. К.*) или пересозданием его на русском языке, или откликом на него в своих собственных произведениях», - писал академик М. П. Алексеев [1].

Бесспорно, Т. Мур как поэт-романтик, обратившийся к народной песне, экспериментировавший с поэтической речью, вводивший новые сюжеты, не мог не привлечь к себе внимание русских поэтов. Популяризация Т. Мура в России - результат ярко-выраженной социальной значимости его произведений. Поэт видит предназначение поэзии, которое заключается в осмыслении жизни страны, народа. Однако в XIX веке в России поэзия не всегда могла открыто заявить об этом, тогда, обращаясь к иноязычным авторам, поэты находили мотивы, отвечающие запросам времени. Традиция использовать перевод как возможность устами иноязычного автора выразить свои мысли и распространить их играла важную роль в литературной и общественной жизни России XIX столетия.

Поэтический цикл «Ирландские мелодии» (*Irish melodies*) Т. Мура привлекли своими романтическими интонациями и Д. П. Ознобишина и, несомненно, повлияли на его творчество. Через всю свою жизнь пронес он духовную связь с ирландским поэтом, сказавшуюся в отголосках образов, сюжетов, настроений, присутствующих в переводах русского поэта. Все это говорит о родстве душ двух поэтов - русского и ирландского. Их объединяло не только страстное влечение к поэзии, но и особое восприятие поэтического слова, берущего свою красоту в фольклоре. И Д. П. Ознобишин, и Т. Мур проникали в глубину народных стихов и песен, воспевали свой край, свою страну. Прекрасно владея английским языком, русский переводчик обращался непосредственно к оригиналу, но вместе с тем он творчески переосмысливал оригинальные тексты, добавляя свои авторские «вставки», тем самым, вступал в диалог с Т. Муром.

В своем переводе стихотворения *The Minstrel-Boy* («Юноша-певец») он последовательно и точно передает основные мысли Т. Мура.

The Minstrel-Boy
The Minstrel-Boy to the war is gone,
In the ranks of death you'll find him;
His father's sword he has girded on,
And his wild harp slung behind him. -
"Land of song!" said the warrior-bard,
"Tho' all the world betrays thee,
"One sword, at least, thy rights shall guard,
One faithful harp shall praise thee!"

The Minstrel fell!-but the foeman's chain
Could not bring his proud soul under;
The harp he loved ne'er spoke again,

© Корухова Л. В., 2011

For he tore its chords asunder;
And said, "No chains shall sully thee,
"Thou soul of love and bravery!
"Thy songs were made for the pure and free,
"They shall never sound in slavery" [Там же, с. 120].

Юноша-певец
На брань устремился певец молодой,
Где смерть - там он стал меж рядами,
Он меч опоясал отца боевой,
И арфа висит за плечами.
«Край песней, ты сведал измену людей, -
Воскликнул герой величавый, -
Один только меч для защиты твоей,
Одна только арфа для славы!»

Певец низложен! но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны;
«В цепях ты не будешь, - сказал ей певец, -
Ты, эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых свободных сердец,
Рабам не внимать песнопений!» [Там же, с. 456-457].

Переводчику удалось в значительной мере сохранить основные образы и лексические средства оригинала. Сравним лексическую наполняемость английского варианта и русского: *Minstrel* - поэт, *sword* - меч, *wild harp* - арфа, *warrior-bard* - герой величавый, *faithful harp* - арфа, *foeman* - враг и т.д. Нужно отметить, что при переводе не полностью сохраняется лексическая сочетаемость единиц. Например, у Т. Мура арфа описана прилагательными *wild* (громкая) и *faithful* (преданная), в то время как Д. П. Ознобишин опускает описательный элемент арфы. В переводе же возникают свои выразительные средства, отсутствующие в оригинале. Например, меч *боевой*, герой *величавый*. Хотя мы и можем обнаружить у Д. П. Ознобишина некоторые семантические отклонения, но они небольшие.

Что касается образной системы произведения, то Д. П. Ознобишин сохранил ее. В стихотворении *The Minstrel-Boy* Т. Мура несколько образов: образ арфы, образ юноши-певца и образ меча. Отправляясь «на брань… где смерть», молодой певец берет с собой две вещи - меч и арфу. Меч ассоциируется с протестом, борьбой, защитой («меч для защиты твоей») и является необходимым атрибутом воина. Что же касается арфы, то присутствие ее на поле боя несколько необычно.

Символико-смысловая история арфы богата и разнообразна. В соответствии с пифагорейской философией арфа, как и лира, символизирует мировую гармонию. Она также обозначает циклическое развитие мира. В скандинавской мифологии арфа предстает как образ моста между двумя мирами. У Т. Мура арфа представлена в двух образах. В первой части стихотворения арфа громкая (*wild harp*), олицетворяющая любовь к родине, храбрость: *Thou soul of love and bravery!* У Д. П. Ознобишина: «Ты (арфа - *К. Л. В.*), эхо живых вдохновений!» Во второй же части - арфа смолкает, струны ее разорваны:

The harp he loved ne’er spoke again,
For he tore its chords asunder [Там же, с. 120].

Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны [Там же, с. 456].

Образ арфы с разорванными струнами символизирует непокорность, сопротивление угнетателям, намечает тему национального освобождения. Образ же юноши-певца, в руках которого находится эта арфа, - собирательный образ, означающий не одного индивида, а целый народ, народ, недовольный складом общественной жизни и пытающийся привнести изменения в устоявшиеся стереотипы.

Характерной особенностью, выполненного Д. П. Ознобишиным перевода, является «биографизм». Впервые «Юноша-певец» был напечатан в 1928 году (Атеней. № 12. Ч. 3. С. 369) за подписью «Р». Можно предположить, что «Р» означает Рылеев, ссылаясь на слова Т. М. Гольц: «В мае 1826 г. из Петербурга было получено приказание: по случаю предстоящей коронации никого не увольнять в отпуск. И никто не ожидал смертной казни. Страшная весть пришла позднее: 13 июля в Петербурге, на Кронверкском валу Петропавловской крепость пятеро казнены. Среди них К. Ф. Рылеев. Ознобишин, несомненно, был внимательным чи-

тателем его стихотворений, а возможно, и был знаком. В написанном им 26 сентября 1826 г. подражании ирландской мелодии Мура «Юноша-певец» возникал образ казненного поэта» [2].

Певец низложен! но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны;
«В цепях ты не будешь, - сказал ей певец, -
Ты, эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых свободных сердец,
Рабам не внимать песнопений!» [1, с. 456-457].

Гибель юноши-певца в стихотворении Д. П. Ознобишина - смертная казнь поэта-декабриста К. Ф. Рылеева. «Биографизм» присутствует и в названии стихотворения *The Minstrel-Boy*, так как *Minstrel* можно перевести как поэт, а *Minstrel-Boy*, соответственно, молодой поэт.

Итак, в оригинальном стихотворении Т. Мура юноша-певец - это один из воинов, ирландский боец за национальную независимость. У Д. П. Ознобишина же юноша-певец («Рылеев») - поэт-декабрист, восстающий против самодержавия, деспотизма, борющийся против крепостного права и за введение в России конституционных законов, ограничивающих абсолютизм. Оба варианта стихотворения, пронизанные духом патриотизма, объединены одной идеей - идеей борьбы за свободу.

Таким образом, талантливый поэт Т. Мур, чья поэзия оставила заметный вклад в русской словесности, не мог не повлиять на творчество Д. П. Ознобишина. Перелагая оригинальные тексты зарубежного автора из цикла «Ирландские мелодии» (*Irish Melodies*), русский поэт-переводчик в своих произведениях стремился передать дух ирландской поэзии. Будучи глубоко самобытным русским поэтом, мироощущению которого оказались близки гражданские мотивы лирики Т. Мура, не мог не воспользоваться возможностью иноязычного автора выразить свои мысли и распространить их. Мотив, отвечающий запросам того времени, а именно мотив несломленного духом человека, пронизывает текст перевода, выполненного Д. П. Ознобишиным, и заставляет читателя поверить в то, что русский народ не падает духом даже когда «арфа» молчит:

Певец низложен! но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный;
Любимая арфа молчит средь пиров,
На ней перервал он все струны [Там же, с. 456].

Список литературы

1. **Мур Т.** Избранное / сост. Л. И. Володарская. М.: Радуга, 1986. С. 19.
2. **Ознобишин Д. П.** Стихотворения. Проза: в 2-х кн. / Д. П. Ознобишин; подгот. Т. М. Гольц, А. Л. Гришунин, Н. Н. Холмухамедова. М.: Наука, 2001. С. 334.

УДК 811.515.145

Гузель Амировна Набиуллина, Кадрия Сунгатовна Фатхуллова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

КИТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В КНР©

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 11-04-00074а.

Ученые-тюркологи давно обратили внимание на необходимость изучения взаимодействия китайского языка с тюркскими языками (Васильев 1872; Баскаков 1951). Хотя имеются некоторые труды о китайских заимствованиях в древнетюркских языках, древнетюркские словари (ДТС 1969; Ligeti 1966; Clausin 1972; Gabain 1974), а также общие исследования по истории древних тюрков и древнетюркских языков, в которых выявлены китаизмы (Радлов 1897, 1899; Малов 1951, 1952; Бернштам 1940, 1946; Jarring 1936 и др.), проблема китайских заимствований, по словам Н. А. Баскакова, в научном плане изучена в меньшей степени. Количество конкретных примеров заимствований в этих работах ограничивается тремя-четырьмя словами. Согласно Н. А. Баскакову, «китаизмы могут быть и в значительном количестве вскрыты в составе лексики

© Набиуллина Г. А., Фатхуллова К. С., 2011